

Добравшись до подножия горы, Шэнь Цзянань сорвал пучок травы, смял его и подложил под плечо. Только после этого он пригнулся, взвалил велосипед на плечи и осторожно зашагал по ухабистой горной дороге.

По правде говоря, он вполне мог пойти за направлением и взять велосипед завтра — так удалось бы сэкономить немало сил. Но в деревне рано утром беспокоить людей из-за одолжения — мало того что неудобно, так еще и Чжао Цзяньчэн мог вставить палки в колеса.

Стоит отметить, что обитатели пункта городской молодежи служили тому живым примером: всякий раз, когда им требовалось получить направление у Чжао Цзяньчэна, их жмотили и гоняли туда-сюда.

Тот не то чтобы совсем отказывался выдавать бумаги — просто смотрел на человека и искусственно затягивал дело. Если же вдобавок принести скудный подарок, волокита могла затянуться на десять дней, а то и на полмесяца.

И пусть люди закипали от злости, никто не смел возражать. В конце концов, чиновник всегда мог прикрыться занятостью по службе — да кто в своем уме осмелится заявить, будто его собственные дела важнее государственных?

Именно поэтому, дабы избежать лишних мучений, Шэнь Цзянань и решил отправиться к Чжао Цзяньчэну именно сейчас.

Во-первых, страда уборочная закончилась, вечером работать не нужно. Во-вторых, хоть уже и стемнело, время стояло раннее. К тому же от усадьбы семьи Чжао до штаба бригады — туда и обратно — идти не больше пары минут, так что сослаться на занятость у того бы не вышло.

Даже если бы и попытался отвертеться — не беда, у Шэнь Цзянаня имелся в запасе целый вечер, чтобы потрепать Чжао Цзяньчэну нервы.

Впрочем, ему повезло: он повстречал Чжао Хунцзюня, чья помощь позволила ему без сучка и задоринки раздобыть направление и одолжить транспорт, избавив от множества хлопот.

Шэнь Цзянань от всего сердца был благодарен парню и решил при удобном случае отблагодарить Чжао Хунцзюня.

— Фу... ха... —

Тяжело отдуваясь, юноша успешно взломал половину подъема и при свете луны поднял глаза: ворота усадьбы были уже совсем близко. На его лице проступила улыбка. Осторожно опустив велосипед, он закатил его во внутреннее помещение и оставил там.

Распрямив спину и разминая кулаками ноющие плечи, он подошел к столу, чтобы написать

письмо родителям. Он собирался попросить домашних поломать голову над учебными материалами для него и Гу Юя.

Как-никак, прежний владелец тела был родом из Хайши, а его тетушка занимала видный пост в сфере образования, так что отыскать подобные вещи для нее было куда проще, чем для него в захудалом уездном городке. Сложив письмо, он убрал его в дорожную сумку и принялся за статью.

Как он уже решил раньше, он собирался заняться торговлей, но поскольку свободных средств у него не водилось, начать он хотел с того, чтобы заработать стартовый капитал с помощью пера. В случае успеха это помогло бы ему заявить о себе, что в дальнейшем сослужило бы хорошую службу — будь то при поступлении в университет или при выходе на работу в обществе.

Если же ничего не выйдет — не страшно, сойдет за тренировку, а там подыщет другой выход.

Вот только в эту эпоху к творчеству относились строго, табу было хоть отбавляй, так что ему приходилось тщательно выверять каждый шаг. Поразмыслив, он решил написать о молодежи, отправленной на работу в деревню.

Задействовав сюжеты прочитанных в современности романов о той поре и наложив их на нынешние реалии, он сплел воедино развитие чувств главного героя Гу Хунсина и главной героини Шэнь Сюэфан, добавив мотивы пламенной борьбы. У него вылся короткий рассказ — легкий, забавный, вдохновляющий и устремленный ввысь.

Отправить его он планировал в Главное литературно-художественное издательство Хайши. Во-первых, оно находилось в его родном городе, так что местную специфику он знал хорошо; во-вторых, это крупное государственное издательство с более чем двадцатилетней историей обладало широким профилем и богатым ассортиментом выпускаемой литературы.

Его творение тяготело к художественной прозе, и лучшего места для отправки рукописи было не сыскать.

Шэнь Цзянань чикал пером несколько часов кряду и наконец настроил более восьми тысяч знаков, оборвав сюжет на том моменте, как главный герой бросается в бурный ливень спасать упавшего в воду ребенка, но его уносит паводком, и судьба остается неизвестной.

Переписав текст начисто и тщательно выверив его на предмет опечаток и грамматических ошибок, он бережно сложил листки, запечатал в конверт, наклеил марку и положил рядом с письмом к родным.

Только тогда, разминая затекшие запястья, он вышел во двор умыться, после чего вернулся в комнату, погасил свет и лег спать. Завтра предстояло встать ни свет ни заря, так что засиживаться за полночь было нельзя.

Однако не успел он толком заснуть, как снаружи послышался шорох. Шэнь Цзянань тут же распахнул глаза и взглянул в темноту: в дверях, бесшумно приоткрыв створку, появилась знакомая фигура.

Шэнь Цзянань торопливо приподнялся и окликнул гостя:

— Брат Гу, ты вернулся.

Гу Юй замер, затем наощупь добрался до кровати, присел на край и легонько потрепал его по голове:

— Прости, разбудил тебя.

— Ничего страшного, я и сам только-только заснул.

Шэнь Цзянань протянул руку и слегка потянул его за рукав:

— Брат, я завтра собираюсь в поселок, не нужно ли тебе чего прикупить? Я захвачу всё разом.

— Зачем тебе в поселок?

— Письма отправить, да попросить домашних найти для нас кое-какие учебные материалы.

Шэнь Цзянань улыбнулся и пояснил:

— Брат Гу, мне кажется, атмосфера вокруг становится всё лучше и лучше. Кто поручится, что через пару лет не возобновят вступительные экзамены в вузы? Тогда мы сдадим их вместе и насовсем уберемся из этой дыры. А потом придумаем, как вытащить в город твоих родных. Что скажешь, хорошая идея?

Поддавшись влиянию его слов, Гу Юй постепенно погрузился в задумчивость. Не дождавшись ответа, Шэнь Цзянань решил, что тот снова предался мрачным мыслям. Он торопливо приподнялся на коленях, обхватил ладонями его лицо, заставляя посмотреть прямо на него, и произнес с предельной серьезностью:

— Брат Гу, ты должен быть оптимистом и верить не только в меня, но и в себя самого.

Молча ощущая идущее от ладоней тепло и мягкость прикосновения, Гу Юй постепенно смягчился лицом:

— Мм! Хорошо.

— То-то же!

Юноша с улыбкой качнул его за голову и разжал пальцы. На сердце у Гу Юя скребли кошки — он бессознательно потер кончики пальцев.

Шэнь Цзянань еще не замечал его странностей и продолжал говорить:

— Брат Гу, как только тетушка отыщет для меня учебники, мы возьмемся за учебу как следует. Если попадется что-то непонятное, сможем сходить к кошарникам и расспросить их — в конце концов, те дедушки уровня профессоров... А когда поступим в университет, вместе поедем учиться в столицу и снимем там жилье... А потом, когда заработаем денег...

Юноша щебетал без устлка, а Гу Юй слушал его с замиранием сердца, ведь во всех планах Шэнь Цзянаня на будущее неизменно находилось место для него самого. Мысль об этом заставила Гу Юя втайне принять решение: поскорее уладить все дела. Их будущее принадлежит им двоим, и он не позволит другому сражаться в одиночку.

В ту минуту он еще не сознавал, что его собственные помыслы уже незаметно свернули с прежнего пути и стремительно тянутся навстречу собеседнику...

Не успело небо посветлеть, как Шэнь Цзянань под бесконечные напутствия тронулся в путь и на всех парах покатил на велосипеде в поселок.

Глядя на то, как худенькая фигурка крутит педали с бешеной скоростью, Гу Юй одновременно чувствовал и щемящую грусть, и улыбку.

Но в то же время он заразился этим боевым настроем, и его охватило рвение. Невольно раскинув руки навстречу прохладному ветерку, он мысленно подбодрил себя:

— Гу Юй! У тебя всё получится.

Шэнь Цзянань без устали крутил педали и добрался до поселка уже около восьми часов утра. Сперва он заглянул на почту, опустил в ящики оба письма, прикупил конвертов, бумаги и марок — всё это он уложил в дорожную сумку за спиной, а после направился в магазин снабжения.

Хотя он и унаследовал память прежнего владельца и в целом освоился в эту эпоху, всё же любые дела требовалось увидеть и услышать лично, чтобы составить полную картину.

Иначе, раздобыв денег, можно было сгоряча очертя голову броситься в омут: хорошо, если дело выгорит, а если прогоришь — придется начинать с нуля. Какая бессмысленная трата сил!

Рассуждая так, он вновь прибавил шагу и по центральной улице вышел к зданию магазина снабжения. Едва добравшись на место, Шэнь Цзянань увидел внушительный фасад, который на фоне окружающих построек выглядел весьма заметно.

Стоило переступить порог, как перед глазами предстал длинный ряд стеклянных прилавков

высотой по пояс. За стеклом красовались дорогие товары: наручные часы марки «Шанхай», радиоприемники, магнитофоны и прочее.

На самих прилавках красовались ярко-алые тазы для умывания, эмалированная посуда, термосы, армейские котелки и прочая утварь. На стоявших позади стеллажах теснились другие товары — например, отрезы ткани и готовая одежда.

Каждая деталь в покрое и упаковке этих вещей отчетливо отражала неповторимый колорит эпохи, а наклеенные на стенах цитаты за номером Икс-Икс придавали обстановке густой дух времени.

Продавщица Гао Сяофэнь с бесстрастным видом обслуживала стоявшего перед ней покупателя, а когда подняла глаза, то заметила одиноко ждавшего в углу Шэнь Цзянаня, который озирался по сторонам.

Заметив, что парень одет ладно и опрятно, она напустила на себя вежливую мину и подала голос:

— Молодой человек, вам чего?

Услышав это, Шэнь Цзянань тут же подался вперед. Его руки непринужденно легли на прилавок, а глаза изогнулись в улыбке:

— Будьте добры, взвесьте мне полфунта молочных ирисок, сестрица.

Стоило Гао Сяофэнь услышать обращение «сестрица», как ее глаза засияли, а лицо расплылось в довольной улыбке. В те времена все вокруг обращались друг к другу не иначе как «товарищ», в крайнем случае — по должности или возрасту.

Это было не то что в эпоху Шэнь Цзянаня, где обращения «красавчик» и «красотка» валялись на каждом углу и приелись до оскомины. Ей было уже за сорок, и когда мальчишка лет шестнадцати-семнадцати ни с того ни с сего называл ее сестрицей, как тут было не растаять?

В мгновение ока Шэнь Цзянань заслужил самое благосклонное отношение продавщицы. Приглядевшись повнимательнее, она заметила, что парень чист лицом, хорош собой, а глаза у него черные и блестящие, точно капли туши — хоть картину пиши. От этого он полюбился ей еще больше, и она ответила куда мягче:

— Хорошо-хорошо! Сестрица сейчас все отвесит. Сначала давай талоны и деньги: ириски по два с половиной юаня за фунт, полфунта обойдутся в один юань двадцать пять фэней.

Стоявшая рядом другая продавщица не удержалась от выразительного закатывания глаз и мысленно выругалась про себя: бессовестная старая карга, годитесь ему в матери, а туда же — сестрица!

Шэнь Цзянань опустил взгляд и тронул уголки губ, ничуть не заботясь о переглядываниях за прилавком. Он достал из кармана талоны с деньгами и протянул ей, а пока Гао Сяофэнь отвешивала сладости, принялся с интересом разглядывать дорогие заграничные диковинки на витринах.

Еще когда он только вошел внутрь, вид этих простоватых, лишенных разнообразия товаров наваял ему кое-какие мысли, однако все задумки придется отложить до появления капитала и разведки почвы.

Поэтому он снова подал голос:

— Сестрица, будьте добры, дайте мне еще моток ниток с иголками, десять пар стальных заколок для волос, двадцать резинок, по паре ножниц и сантиметровую ленту, а еще положите несколько брусков мела для раскройки.

Услышав, что покупатель намерен взять что-то еще, Гао Сяофэнь охотно закивала:

— Ладно-ладно, подожди минутку.

Вскоре она собрала всё необходимое, бережно завернула в оберточную бумагу и выложила на прилавок вместе с карамелью.

Искренне тронутый заботой, Шэнь Цзянань расплылся в улыбке:

— Большое спасибо, сестрица.

— Пустяки!

Гао Сяофэнь снова утонула в сладких звуках этого «сестрица». Довольно ухмыльнувшись, она подалась корпусом вперед и шепнула вполголоса:

— Сестрицу звать Гао Сяофэнь. Если в другой раз надумаешь чего купить — смело приходи ко мне!

Шэнь Цзянань внутренне ликовал: отлично, первый полезный контакт налажен! Он с улыбкой кивнул:

— Хорошо, сестрица Гао. Меня зовут Шэнь Цзянань, я городской молодежник из коммуны «Хунци», можете звать меня просто Цзянань.

Затем он понизил голос и осведомился:

— Скажите, сестрица, а не знаете ли вы, где можно раздобыть обрезки ткани? Мне нужны разноцветные лоскутки, а здесь в продаже таких нет.

Говоря это, он незаметно от окружающих сунул в ладонь женщине купюру в один юань поверх

тех денег и талонов, что предназначались за товар. Движение было быстрым и ловким.

У Гао Сяофэнь дернулось веко. Она крепко сжала пальцы, с тревожным выражением в глазах огляделась по сторонам и, убедившись, что никто на них не смотрит, вытянула лишнюю бумажку. Скомкав ее в ладони, она стремглав засунула деньгу в рукав.

Шэнь Цзянань едва заметно приподнял брови. Забрав покупки, он под восторженные напутствия продавщицы покинул магазин и направился к старому вязу на углу улицы, где терпеливо устроился в тени.

Прошло около получаса, прежде чем он увидел бежавшую к нему впопыхах женщину. Та сразу перешла к делу, велев ему разыскать на швейной фабрике бухгалтера по имени Бай Юнь.

— Она моя двоюродная сестрица. Если хочешь прикупить материи, ступай прямо к ней, там и выйдет дешевле, чем в магазине снабжения.

Тон Гао Сяофэнь слегка замялся, и она с некоторой неловкостью добавила:

— Правда, всё это добро — фабричный брак и обрезки, брать придется целыми пачками, так что попадаются дефектные отрезы.

Услышав это и заметив, как та украдкой прижимает кошель, Шэнь Цзянань еле сдержал улыбку, хотя внешне остался совершенно невозмутим:

— Ничего страшного. Лишь бы цена была низкой да выбор побольше, остальное не беда.

Услышав такой ответ, Гао Сяофэнь заметно расслабилась:

— Ну ладно, тогда ступай скорее! Глядишь, успеешь выбрать расцветки посимпатичнее.

— Хорошо, спасибо вам, сестрица Гао.

Шэнь Цзянань кивнул в знак благодарности и покатил прочь на велосипеде. Проводив его взглядом, Гао Сяофэнь радостно извлекла заветный юань, погладила его, тщательно сложила вдвое и спрятала в карман, после чего с довольной улыбкой вернулась в магазин.

Ее испуг был вполне объясним: груз семейных забот оказался слишком тяжел. Хотя они с мужем Тянь Цзюнем оба получали по несколько десятков юаней жалованья в месяц, трое детей учились в школе, младший сын часто болел и грел койку в больнице, да еще двое стариков на иждивении — честно говоря, чете приходилось туго.

Этот лишний юань, конечно, не решал всех проблем разом, но на него можно было купить несколько фунтов риса. Если подмешать туда побольше грубой муки, картошки или батата, похлебка продержится долго.

Вот почему она так боялась, что парень потребует деньги назад. Но женщина даже не подозревала, что тот присмотрел ее еще в тот самый момент, когда переступил порог магазина.

Причина была проста: должность продавца считалась хлебной, а оклады — приличными, однако все признаки указывали на то, что жилось Гао Сяофэнь небогато.

Прежде всего, ее ладони были слишком грубыми — дело тут крылось вовсе не в возрасте, а в том, что руки эти привыкли к тяжелому труду, но на защитный крем хозяйка тратиться не желала.

При этом одета она была куда щеголеватее остальных продавщиц, фасоны одежды сильно отличались, выглядя гораздо современнее, вот только сидели вещи не совсем по фигуре.

Очевидно, наряды покупала не она сама — их прислал кто-то из зажиточных родственников, с которым у нее сложились теплые отношения.

Именно поэтому Шэнь Цзянань нарочно сблизился с ней и продемонстрировал кошелек. Иначе с какой стати он стал бы в здравом уме тратить деньги на кучу леденцов? Дома у него и так имелись сладости.

Но если подумать, эти деньги окупились сторицей: по крайней мере, теперь у него появился новый полезный знакомый и точка, где можно раздобыть ткань.

Когда Шэнь Цзянань подъехал к швейной фабрике, как раз начался перерыв на обед. Рабочие валили через ворота толпами — кто пешком, а кто на велосипедах.

Слегка покусывая губы, он покатил велосипед рядом с модно одетой дамой и, поймав ее недоуменный взгляд, заговорил первым:

— Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, кто из вас бухгалтер Бай Юнь? Меня прислала ее кузина Гао Сяофэнь.

Женщина прикрыла рот рукой и тихо рассмеялась:

— Бай Юнь — это я. Ишь ты, как ловко спросил — прямо в точку попал.

— Я так и знал!

Шэнь Цзянань широко раскрыл глаза от восторга и восхищенно произнес:

— У человека с таким красивым именем и внешность должна быть под стать! Видите, я ведь не ошибся адресом?

Бай Юнь рассмеялась еще веселей. Скажи такое кто другой, она бы одарила наглеца презрительным взглядом и обругала бесстыдником, но перед ней стоял совсем другой юноша.

И дело было не только в том, что он хорош собой и моложе ее добрый десяток лет — его глаза сияли чистотой, напоминая звездное небо, влажные, лучистые и исполненные детской наивности. Разве мог такой юноша показаться легкомысленным?

Впрочем, она дорожила своей репутацией и смущалась открыто поддакивать комплиентам, поэтому просто спросила:

— Ну хорошо, а зачем я тебе понадобилась? Есть какое-то дело?

— Да, именно так!

Мысленно похвалив собеседницу за прямоту, Шэнь Цзянань окинул взглядом округу. Убедившись, что все рабочие почти разошлись, он понизил голос:

— Я хотел бы купить у вас фабричных обрезков и брака — хочу сшить кое-что из одежды для дома.

— Вот как?

Глаза Бай Юнь сузились. Улыбка на ее лице мгновенно увяла, а голос утратил прежнюю мягкость, приобретя ледяные нотки.

<http://bllate.org/book/22418/2353680>